

Отворив створку, он замер на пороге, неуклюже присел в реверансе перед Красной Лисицей и невнятно забормотал. Удивленный и обрадованный Красная Лисица не стал вслушиваться: бросив на ходу беглый вопрос, он поспешно бросился внутрь. На бегу ему смутно послышался пьяный ответ: «Господин, меня зовут Цангоу, Цангоу Шанье...» Красная Лисица не сбавил шагу, лишь подумав, что имя звучит как-то знакомо. Впрочем, вспомнить, где именно он его слышал, так и не удалось. Да и плевать! Какой-то швейцар из Гвардии Ближнего Круга! Какого он вообще может быть роду-племени?

Красная Лисица стремглав неслся вперед. Приблизившись к Орлиному Гнезду, он вдруг остановился, похлопал себя по груди и зашагал неторопливо и размеренно. Орлиное Гнездо располагалось между Двойными Башнями, чуть ближе к Золотой Башне, и служило казармами Гвардии Ближнего Круга и сокровищницей. Всю территорию окружала высокая каменная стена, зубцы которой ошетились острыми стальными лезвиями, издали напоминая осыпавшиеся перья белого орла. Наверху, над землей, помещались казармы Гвардии, а внизу лежала сокровищница Оракула. Вход в неё находился прямо под ступенями зала совещаний Гвардии.

Сейчас в зале яблоку негде было упасть: ступени по обе стороны и лестница, ведущая в сокровищницу, были забиты кандидатами в белых балахонах, ожидавшими своей очереди. При виде Красной Лисицы шумная, кипящая толпа мгновенно смолкла. Куда бы ни направлялся Красная Лисица, люди расступались, образуя узкий проход. Ему безумно нравилось это ощущение всеобщего внимания, ничуть его не смущавшее. Под сотнями взглядов шаги казались даже легче.

Поднимаясь по ступеням, он озирался по сторонам: в толпе теснилось множество знакомых лиц, и в каждом взоре читались горячее ожидание и надежда. Отвечая на взгляды, Красная Лисица кивал направо и налево. Медленно дойдя до дверей зала совещаний, он увидел вышедшего навстречу человека. Тот отличался внушительным телосложением — на целый гол выше Красной Лисицы, — с квадратным лицом, которое из-за непропорционально крупных черт казалось совсем крошечным. Его живот слегка выдавался вперед, точно к нему привязали круглый котел, а ноги были такими длинными, казалось, ремень затянут прямо под горлом.

То был предводитель Гвардии Ближнего Круга, Сюэлан Линьхай. Он поспешил навстречу, запыхавшись и вещая так, будто бежал вовсе не Красная Лисица, а он сам:

— Генерал! Господа Цанчжоу и Чэнцзян уже давно вас ждут.

Услышав доклад, Красная Лисица невольно удивился. Минъю Цанчжоу был жрецом в белых одеждах и казначеем, а Чжэнхун Чэнцзян — жрецом в черных и главным распорядителем; один вечно думал, как бы побольше скопить, а второй — как бы поскорее потратить. Первый вечно пилил Красную Лисицу бережливостью, из кожи вон лезя ради сокращения расходов, второй же бесконечно сваливал на него ворох хлопот — подавление бунтов, оцепления, патрули, облавы! Слово тот никак не мог уразуметь разницу между Гвардией Ближнего Круга и обычными стражами.

Красная Лисица остановился, прищурился и заглядывая в глубь залы. Жрец Цанчжоу

восседал на возвышении, бледный как полотно, но брови его были расслаблены, а на лице не читалось ни тени тревоги или нетерпения — ни дать ни взять человек, который вовсе никуда не спешит. Жрец Чэнцзян стоял сбоку, заложив руки за спину, и отрешенно разглядывал настенную роспись. На фреске, судя по всему, красовалось творение какого-то неизвестного мастера из Оракула: Сад Гулан до возведения Двойных Башен. Работа была древней, но без подписи и печати — чьих рук дело, оставалось загадкой.

Заметив Красную Лисицу, Цанчжоу тут же вскочил на ноги:

— Генерал! Куда это вы запропастились, вас весь город ждет!

В иное время Красная Лисица ответил бы с дежурной улыбкой, но не сегодня. Он кашлянул, расправил плечи и отдал жрецу Минью Цанчжоу воинское приветствие:

— До меня дошли вести о Пророке, я хотел навестить туда...

Не успел он договорить, как Цанчжоу резко оборвал его:

— Да как вы туда пройдете! Святые отцы оцепили весь Храм Божественной Речи. Никого не пускают, кроме епископа и жрецов, проводящих погребение. Даже архижрец имеет право ожидать выноса гроба лишь в Зале Предков при храме.

Красная Лисица пожал плечами, усмехнувшись:

— Стало быть, уважаемые господа пожаловали, чтобы помочь мне с выбором архижреца?

Уголки губ Минью дрогнули. Оглянувшись на жреца Чжэнхуна Чэнцзяна и помедлив, он ответил с заметной заминкой:

— Да. Разумеется, у нас есть и другие дела. Как только вы закончите с выбором архижреца, мы их обсудим.

Архижрец оставался самой необычной должностью в Гвардии Ближнего Круга — духовное лицо, совершающее ритуальные возлияния во время небесных молений. Жалованье почти не уступало жалованью заместителя предводителя, а хлопот при этом на порядок меньше. И что важнее, в Оракуле эта должность пользовалась величайшим уважением и считалась крайне престижной.

Красная Лисица кивнул Сюэлану, велел подать список претендентов. Передавая свиток, Сюэлан доложил:

— По заведенному обычаю, нам потребуется...

Красная Лисица покачал головой, прерывая его:

— Нет, Линьхай. Никаких обычаев. У нас нет времени следовать традициям. Нынче погода не балует нас лишними часами. Нынешние посланники умеют лишь рушить все Искусством Божественного Света, и никто не утруждает себя постижением того, как с помощью божественной благодати сохранить тело нетронутым тлением и смрадом.

Бросив свиток на стол и бегло пробежав глазами строчки, Красная Лисица вслух назвал с десяток имен. Добравшись до двадцатого, он свернул бумагу, нахмурился, с трудом припоминая что-то, и вписал еще одно имя:

— Хейгоу Шанье. Нет, погодите, Цангоу Шанье. Проклятье, Хейгоу он или Цангоу!

— Если речь о том стражнике у Фиолетовой Башни Орлиного Крыла, то, полагается, Цангоу Шанье, — сухо вставил Сюэлан. — Господин генерал, он же пропойца.

— Тем лучше для должности архижреца, — Красная Лисица швырнул свиток обратно Сюэлану. — Объяви имена и разгони всех к чертовой матери! Двадцать один избранный пусть немедленно отправляется в Золотую Башню, а остальные — марш по своим постам!

Сюэлан взял свиток с откровенной неохотой, скрипя сердцем — добрая половина из названных двадцати одного кандидата были его личными птенцами, вскормленными с особым уходом. В душе Сюэлан проклинал и скверного генерала, и собственных непутевых подчиненных. Направляясь к выходу, он бросил вороватый взгляд на Чжэнхуна Чэнцзяна. Тот по-прежнему витал в облаках, казалось, вовсе не интересуясь списком будущих архижрецов.

Пока Сюэлан зачитывал имена снаружи, Миньюу внутри загибал пальцы, занимаясь подсчетами:

— Жалованье одного архижреца — восемь серебряных монет; белого балахона — четыре серебряных и пятьсот медных; впредь ежемесячно нам придется тратить на семьдесят три серебряные монеты и пятьсот медных больше! О нет, погодите, за жен архижреца каждый месяц полагается еще по три серебряных налога за соблюдение обетов! Черт побери, да нам приходится приплачивать только за то, чтобы эти архижрецы держали в узде собственные штаны!

От этого занудного счета у Чжэнхуна тотчас разболелась голова. Он поспешно присел рядом с Миньюу и напомнил:

— Нам пора обсудить с генералом дела поважнее!

Красная Лисица настороженно покосился на него. Миньюу извлек из-за пазухи волшебный жезл из вистерии и легонько взмахнул им в сторону выхода. Дверь со стуком намертво

захлопнулась. Снаружи Сюэлан от неожиданности подпрыгнул. Он испытал легкое раздражение, но терпеть было некогда: кое-кто из белых балахонов, чья смена уже закончилась, упрямо кучковался на ступенях, шушукаясь и перемывая всем кости. Прижимать ухо к двери и подслушивать разговор жреца с генералом перед лицом подчиненных ему не улыбалось.

Заперев дверь, Миньюу кашлянул и сразу перешел к делу:

— Святые отцы подтвердили: Пророка отравили. Епископ требует выяснить, кто за этим стоит. Но проверить все нужно в строжайшем секрете. На людях объявим лишь о краже из сокровищницы.

Красная Лисица опешил и замялся:

— Разумеется. Это дело необходимо расследовать до конца. Но... где же господин Цзиньман? Почему он не пришел?

Сидевший рядом с Миньюу Чжэнхун выглядел рассеянным, но при упоминании Гуму на его губах промелькнула слабая усмешка:

— Звучит дико, но епископ не слишком-то доверяет магам из Сиэнь Линьхай. Он уже отправил господина Цзиньмана вести переговоры с той волшебницей — Магом Вэйюй Чанье. Если людям в белых балахонах не хватит рук для сыска, можешь задействовать черные балахоны. Четыре Великих Стражи к твоим услугам в любой момент.

Услышав это, Красная Лисица невольно разинул рот, не то пораженный недоверием к Сиэнь Линьхай, не то правом распоряжаться Четырьмя Великими Стражами. Чжэнхун моргнул и подался вперед:

— По идее, у нас нет причин подозревать Сиэнь Линьхай. Но пропало Кольцо Судьбы Пророка. Сам знаешь, мы и так уже лишились Кольца Мудрости. Без его благословения наши арканисты с каждым поколением слабеют, а энергия арканы угасает и стынет. Монахи из Цюньхуа ныне открыто игнорируют наши приказы. А теперь исчезло еще и Кольцо Судьбы. Как же нам вновь обрести благосклонность рока?!

Услышав такое, Красная Лисица невольно задрал голову к окну: снежная луна висела в зените, а ледяная и сновидческая светили тускло, окруженные размытыми кругами гало; время шло к ночи, а летучая рыба еще не доставила Синюлю! Переведя взгляд на Чжэнхуна, Красная Лисица постарался придать лицу выражение предельно искреннее:

— Господин, будьте спокойны. Я немедленно приступлю к розыску. Клянусь, правда выплывет наружу!

Чжэнхуна ответ явно удовлетворил, и он слегка улыбнулся:

— Впрочем, хоть я и пообещал епископу, что Четыре Великих Стражи окажут всемерную помощь, ты же понимаешь: Стража Синего Жакаранда стережет порты, через которые день и на день идут торговые суда со всего света, людей у них и так в обрез. Помощь будет крайне скромной. Стража Разноцветных Листьев самая многочисленная, но после смерти Пророка столичная знать перепугалась не на шутку. Чтобы успокоить этих благородных господ, я уже велел Страже Разноцветных Листьев усилить патрули. Ночью в Квартале Разноцветных Листьев должно дежурить не меньше семи отрядов. А у особняков господ из Тайного Совета и Канцелярии выставлены постоянные усиленные караулы — по меньшей мере по четыре человека на точку день и ночь. Из-за такой переброски они сняли посты даже с Налогового Управления и возле сейфов сокровищницы. Полагаю, толку от них в расследовании не будет. Ну а про Квартал Пурпурного Тун ты и сам всё знаешь. Ты там вырос. Знаешь это местечко, где теснится всякая голытьба, бродяжки, шлюхи, воры да ленивая чернь. Там каждый день драки, грабежи и поножовщина. Стражам Пурпурного Тун мало разбираться с нищими, они еще с девками путаются — какая от них помощь? Остается лишь Стража Белой Магнолии.

Выпалив всё это на одном дыхании, Чжэнхун ощутил жажду, подхватил оставленный по приказу Сюэлана напиток из зеленых плодов с медом, отпил пару глотков и продолжил:

— У Стражи Белой Магнолии и людей в избытке, и молодежь там шустрая. У них несколько победителей турниров единоборств! Вот только они существа дикие! Половина писать толком не умеет! Таких в сад выпускать нельзя. Эти пухлые, неженки-толстяки монахи от одного их вида не то что допроса — от звука голоса помереть со страху могут. Короче говоря, я уже договорился с Би Ва Цинчи. Велел ему подтянуть людей и начать прочесывать весь остров. Тогда Гвардия Ближнего Круга сможет сосредоточить все силы непосредственно на поисках в Саду Гулан.

Красная Лисица выслушал это без малейшего удивления, пожал плечами и глухо бросил в ответ:

— Жрец-господин. Вы прямо-таки источаете заботу о нашей Гвардии Ближнео Круга.

Кивнув, Чжэнхун с улыбкой пояснил:

— Людей в Гвардии кот наплакал, груз ответственности неподъемный, а у вас еще два поста предводителей пустуют — где уж тут всё успеть. Главное — святые отцы подозревают монахов из Цюнхуая в корыстном посягательстве на сокровища, а те в ответ обвиняют стражей в краже со взводом. Сейчас монахи стихийно собрались у Золотой Башни, требуют аудиенции у епископа и настаивают на тщательной проверке святых отцов. Посланники охраняют нетленное тело Пророка, а святые отцы уже высыпали из сада на улицы, призывая паству к демонстрациям с требованиями разогнать монастырь Цюнхуая, а монахов либо пересажать, либо изгнать из города. Стража не смеет трогать ни святых отцов, ни монахов. Выход один — вмешаться Гвардии Ближнего Круга.

Тут и Минью схватился за голову, чувствуя, как наливается свинцом затылок:

— Да эти святые отцы совсем от рук отбились! Под защитой Пророка они привыкли творить всё, что вздумается! В грош не ставят Цюнхуай! Сами отказались от арканы и теперь тупо запрещают другим учиться! Но судьба давно отвернулась от них! Падшая Звезда ни словом не обмолвилась о новом Пророке! Быть может, он последний Пророк Оракула! По мне так взять их всех да пересажать, допросить с пристрастием — мигом расколятся, где кольцо!

Чжэнхун с некоторым сочувствием поглядел на Минью и мягко попытался урезонить коллегу:

— Пророк только преставился, а мы возьмем и за решетку всех святых отцов. Не годится. Что люди скажут, как нас обсудят?

Пока Минью и Чжэнхун шептались, Красная Лисица наострил уши, ловя каждый звук в надежде уловить хоть намек. Никогда прежде он так не тосковал по своему прямому начальнику Гуму Цзиньману. Минью с Чжэнхуном походили на двух базарных баб, переругивающихся на рыночной площади: ни конца, ни края, то ли спорят, то ли торгуются — ни намек на паузу, ни попытки разойтись.

Красная Лисица кашлянул, решив нарушить приличия и прервать жрецов:

— Монахи всё еще у Золотой Башни? Мне стоит туда заглянуть?

Минью опешил, замотал головой и отрезал:

— Нет, не нужно. Юлу Юнфэн уже там. При нем монахи бузу не устроят! Пусть сидят у Золотой Башни. Толпа — лучший способ унять страх.

Красную Лисицу кольнуло нехорошее предчувствие, хотя объяснить причину он бы не сумел. Пока он раздумывал, снаружи донесся голос Сюэлана:

— Генерал, к вам слуга, срочное дело.

Не успел он ответить, как голос Минью взлетел на октаву выше:

— Что еще стряслось?

Сюэлан прокричал сквозь дверь:

— Говорят, госпожа Шаньлинь упала и расшиблась.

Красная Лисица рывком распахнул створку. Служанка Цюйюй Сяоцяо с лицом, залитым потом, стояла рядом с Сюэланом. От быстрого бега щеки ее пылали барганцем, грудь тяжело вздымалась, а ноги мелко подрагивали. Увидев Красную Лисицу, она не бросилась вперед, как бывало прежде, а напротив, отступила на пару шагов. Заметив это, Сюэлан хоть и без особой охоты, но выдавил из себя вежливую улыбку и благоразумно отступил на несколько ступеней назад, давая им уединение.

Красная Лисица приблизился и неторопливо поинтересовался:

— С чего это госпожа упала? Сильно ушиблась?

Цюйюй сглотнула слюну, прижала левую руку к груди и не стала понижать голос:

— Госпожа ходила на Рынок Пурпурного Тун за ароматическими свечами. Там как раз начались беспорядки между святыми отцами и монахами. Лошадь испугалась, и госпожа выпала из экипажа. Перепугалась насмерть, слава богу, отделалась царапинами.

Не успел он раскрыть рот, как изнутри донесся голос Минъоу:

— Раз отделалась испугом, стоило ли сюда нестись сломя голову? В какое время живем, забыла?!

Цюйюй задрала голову на опершегося о косяк жреца Минъоу и испуганно вжалась в плечи:

— Сама госпожа цела. Но опрокинувшийся экипаж насмерть задавил случайного прохожего, спасавшегося от толпы.

Красная Лисица промолчал, зато Сюэлан у входа переполошился:

— Кто? Кого задавило?

Цюйюй боязливо скосила глаза на Сюэлана, присела в легком реверансе и заискивающе залепетала:

— Господина Синью из Хэгу.

Брови Сюэлана сошлись на переносице:

— Синью Хэгу? Это еще кто? Откуда в Квартале Пурпурного Тун взялся какой-то род Хэгу? Фамилия вовсе не простонародная! Почему я сроду не слыхивал ни о каком роде Хэгу?

Цюйюй сделала пару шагов вперед, вид ее сделался совсем растерянным:

— Генерал, госпожу задержала Стража Пурпурного Тун. Они не отпускают ее домой. Велели только мне передать вестъ. Сделайте же что-нибудь, госпожа так испугалась! Она уже выплакала два платка. Если так пойдет, она совсем ослепнет от слез, как же быть-то!

<http://bllate.org/book/21187/2145307>